Выходитъ що пятницы во Львовѣ. Цѣна на рокъ съ почтою 4зр. 40кр. ср. полр. 2 зл. 20 кр. чвртр. 1 зл. 10 кр. на мѣстци 4 зл.

ЗОРЯ ГАЛИЦКА

Предплата отбираетъся въ бюрѣ дирекціи книгопечатной Института Ставропигіянского.

ПИСЬМО ПОСВАЩЕННОЕ ЛИТЕРАТУРѢ И ЗАБАВѢ.

ЧИСЛО 42 Львовъ, 12 Жолтня 1856. РОКЪ XI.

ЗОЛОТЫЙ КРЕСТИКЪ

(конецъ

Ужежъ тутъ доволѣ ненасмотрится,
Мовь съ чистого золота кій червенецъ;
Такъ прехорошо тотъ крестикъ блищится
Что подарилъ старенкій отецъ.

Станулъ во корчахъ сновь смотритъ за дѣдомъ,
Туй старовина якъ бы не былъ,
А туча мгновенно двиглась надъ Бескидомъ,
И вихорь ланами ужасно завылъ.

Сперлися хмары мовь великаны
Швидкіи мольни ростлѣлись у нихъ,
Запламенѣлось все небо возбранне,
Трепещутъ горы отъ громовъ страшныхъ.

Начала тревожно ревѣти скотина,
Туй бѣжитъ въ корчи, туй съ корчей назадъ;
Гдѣ же роспустныхъ пастырей дружина? —
Не бережетъ ли повѣренныхъ стадъ?

Вихорь якъ листьемъ кидаетъ челнами,
Безумнымъ гулякамъ сердце ростетъ,
Швидко якъ стрѣлу шумными волнами
Туча съ водою ихъ дяльше женетъ.

Ей вы безумны на Бога сдержѣтса!
Вотъ заженетъ васъ въ круту глубину;
Кайтеся грѣшны и корчей ловѣтся,
Найдете въ томъ шалѣ погибель страшну.

Ужъ не далеко на крокъ отъ колбани,
Тутъ вода пропасть, безодню вертитъ,
Вѣчно тутъ волны кипятъ разъузданны,
Вѣчно въ томъ горлѣ ужасно шумитъ.

Мчатъ, и мгновенно уже и надплыли;
Зѣнула ужасно въ погибель колбань,
Едва воскрикнули ужесь погрузили
Жертвою бредней — безумныхъ руганъ.

И процѣдилась навальная туча,
Съ крестомъ подъ дуба утекъ молодецъ,
Рѣка возбралась и стала ревуча,
На хлопцѣ сухій былъ каждѣскій рубецъ.

Затревоженный но богобойно
Сталъ говорити молитву святу,
Притулилъ крестикъ до груди, покойно
Очи свернувши въ небесъ высоту.

И скоро лишь туча утихла, надстала,
А небомъ заблисла обручка дуги,
Якъ тутъ достатись? — рѣка ся возбрала
И съ шумомъ небавкомъ зальетъ береги.

Подумалъ хлопецъ и надъ водою
Не постигъ станути тревожной стопой,
Въ томъ и сдѣлались ему подъ стопою
Возбранны волны плосенькой рѣкой.

Перебрилъ потокъ сдумѣлый юноша,
Розчудовавшись свой крестикъ держитъ,
Сердце заяла солодка роскоша,
Скачучи якъ коникъ до дому спѣшитъ.

А дома на ложѣ лежитъ стара мати,
Братя и сестри сумныи стоятъ
Не знаютъ откуда лѣку бы достати,
Вотъ и надходитъ старшій ихъ брата.

Молвитъ о дѣдѣ и крестикъ снимаетъ,
Видится съ дѣдомъ дивная стрѣтьба;
Но едва мати креста ся тыкаетъ:
Якъ бы не была ни мало слаба

Господи Боже! се крестикъ чудесный
О то не дѣдъ былъ, но явно святый

Емуже явитись самъ Господь небесный
Велѣлъ на свѣтъ сей порочный, пустый

Падутъ на колѣна, сердца спламенѣли,
Творятъ молитву жарку безсловесъ,
А всю благодарность что въ сердцѣ имѣли,
Ангелъ на крилахъ до неба вознесъ

Свѣсили крестикъ въ запалой хижинѣ,
И оттогда то не было тамъ зло,
Но той хижины нѣтъ уже нынѣ
И мѣстце травою давно поросло.

Лѣта якъ води перешумѣли
Лишь тото солнце и тѣ небеса;
Но суть стары люды что еще зрѣли,
Якъ творилъ крестикъ тоты чудеса.

Е. Згарскій

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЦАРСКАГО ДВОРЦА И ЕГО ЧАСТЕЙ ДО ПЕТРА ВЕЛИКАГО

продолженіе.

У людей другихъ сословій, оу богатыхъ гостей, дворянъ и наконецъ, оу бояръ, постройка и расположеніе хоромъ измѣнялись по мѣрѣ потребностей, вытекавшихъ изъ жизни каждаго лица, хотя въ главныхъ чертахъ они и сохраняли первобытный типъ избы и клѣти простолюдина. Вмѣсто черной, поземной избы, здѣсь ставилась изба бѣлая, также поземная, но съ тою только разницею, что дымъ изъ нея проходилъ въ трубу, дымницу, а не въ дверь и не въ волоковыя дымовыя окна, якъ бываетъ въ избѣ курной. Впрочемъ большею частью такая изба строилась на подклѣтѣ, почему и называлась горницею, яко верхній горній покой, въ отношеніи къ подклѣту; въ томъ случаѣ она была всегда съ красными (15) косящатыми окнами, при которыхъ однакожъ допускались и малыя волоковыя, располагаемыя обыкновенно по сторонамъ красныхъ, но чаще въ боковыхъ и заднихъ стѣнахъ горницы. Сверхъ того, горница отличалась отъ избы печью, которая здѣсь была изразцовая, муравленная, круглая или четыреугольная, въ родѣ голландской, совершенно отличная отъ избной, такъ называемой русской печи. Горница раздѣлялась не рѣдко перегородками на нѣсколько комнатъ.

Что же касается до подклѣтовъ, то были нижніи етажи древнихъ хоромъ; они носили разныя наименованія, смотря по своему назначенію: въ нихъ помѣщались людскія, кладовыя или казенки, въ которыхъ хранилась казна, то есть имущество и пр. Въ первомъ случаѣ они были жилыя съ волоковыми окнами и съ печами, во второмъ глухія, то есть нежилыя, иногда безъ оконъ и даже безъ дверей, потому что ходъ въ нихъ былъ только изъ верхнаго етажа.

Обширныя сѣни соединяли горницу съ повалушею, которая ставилась противо горницы также на жиломъ или глухомъ подклѣтѣ. Названіе повалуши частью однозначительно съ горницею и произошло отъ слова валъ, волокъ-то же, что накатъ, бревенчатый потолокъ. Клѣть выстроенная на томъ накатѣ или на томъ валу, называлась повалушей, точно такъ, якъ внутренняя сторона наката, обращенная въ подклѣтъ, именовалась подволокой, или якъ теперь, потолкомъ.

Кромѣ горницы и повалуши, въ составъ старинныхъ хоромъ входили еще свѣтлица и сѣнникъ. Свѣтлица — та же горница, съ одними только красными косящатыми окнами, которыхъ въ ней было больше не-

(15) Значеніе прилагательнаго красный болѣе или менѣе извѣстно. Красными въ смыслѣ „красныхъ" назывались большія окна съ оконницами или рамами, въ отличіе отъ малыхъ, волоковыхъ, неимѣвшихъ оконницъ.

жели въ горницѣ, и которыя разумѣется, давали болѣе свѣту, нежели окна горницы и всякаго другаго покоя. Въ свѣтлицѣ окна прорубались о всѣхъ четырехъ стѣнахъ или по крайней мѣрѣ въ трехъ, между тѣмъ же горница имѣла красныя окна только съ лица. При томъ свѣтлица была безъ печи. Сѣнникъ, также холодный покой безъ печи съ немногими волоковыми окнами, служившій лѣтомъ спальнею; отъ теплыхъ хоромъ онъ отличался особенно тѣмъ, что на досчатомъ или бревенчатомъ потолку его якъ и на потолку сѣней, никогда не насыпалась земля, что необходимо было при оустройствѣ теплаго покоя. Отъ того сѣнникъ получалъ весьма важное значеніе во время древней свадьбы: въ немъ обыкновенно оустроивалась брачная постель; а древніи обычаи не допускали, чтобъ оу новобрачныхъ надъ головами была земля, яко такій предметъ, который среди радостей жизни, во время „веселія," якъ называли самую свадьбу въ то время, могъ подати поводъ къ размышленію о смерти; по крайней мѣрѣ такъ объясняетъ тотъ обычай Англичанинъ Коллинсъ, посѣщавшій Москву при царѣ Алексѣи Михаиловичѣ. Сѣнникомъ и сѣнницею назывался также и сарай для сѣна, сѣновалъ. Мы оупоминали оуже о значеніи сѣней въ древнихъ постройкахъ; тѣмъ словомъ называли всѣ части хоромъ, которыя расположены передъ входомъ въ жилыи и нежилыи покои, соединяя всѣ отдѣльныя хоромины, то есть горницы, повалуши, клѣти, свѣтлицы и т. д. Сѣни, находившіяся внѣ общей кровли, непокрытыя или покрытыя однимъ навѣсомъ, назывались переходами въ крыльцомъ, если при нихъ была лѣстница со двора.

Въ горницахъ и повалушахъ, преимущественно же въ сѣняхъ, оустроивались чуланы и коморки; въ горницахъ они служили спальнями, а въ сѣняхъ кладовыми. Надъ сѣньми иногда дѣлался верхъ или вышка, свѣтелка а въ низу подсѣнье. Верхній етажъ древнихъ хоромъ составляли свѣтлыи чердаки, извѣстныи также подъ именемъ теремовъ и вышекъ. Они оустроивались подъ самой кровлей зданія, были со всѣхъ сторонъ открыты, почему и пользовались обширнымъ видомъ; пристроивалась иногда смотрильни небольшія башенки, съ которыхъ смотрѣли на окрестность. Отличительною чертою теремовъ или чердаковъ были красныя, нерѣдко двойныя окна, прорубленныя на всѣ четыре стороны терема. Въ древнихъ стихотвореніяхъ и народныхъ пѣсняхъ теремъ носитъ епитетъ высокаго, якимъ онъ всегда и былъ.

Такимъ образомъ древнія наши хоромы состояли преимущественно изъ трехъ етажей: внизу подклѣты въ среднемъ житьѣ или ярусѣ горницы, повалуши, свѣтлицы; вверху — чердаки, терема, вышки.

Въ заключеніе того обзора древнихъ деревянныхъ хоромъ нужно оупомянути, что въ большихъ хоромахъ расположеніе частей не было подчинено никакому особенному, общепринятому плану: они ставились совершенно произвольно, смотря по оудобству и различнымъ требованіямъ, которыя оусловливались значеніемъ строившаго лица, многочисленностью его семьи и т. д. Впрочемъ, якъ бы ни были обширныи хоромы, они всегда сохраняли обширны хоромы, они всегда сохранили общій типъ клѣти и избы съ ихъ подклѣтами.

Таковы были общїя черты старинныхъ деревянныхъ построекъ вообще въ древней Руси и особенно въ московской сторонѣ. Тѣ же самыя черты, только въ болѣе широкихъ размѣрахъ, повторяются и въ хоромахъ московскаго великаго князя. Мы оупоминали оуже о набережномъ теремѣ, средней горницѣ, столовой гриднѣ и повалушахъ. По тимъ названїямъ можно судити и о прочихъ частяхъ великокняжескихъ хоромъ: они были совершенно сходны съ описанными выше. Уклоненїя отъ общаго характера были весьма незначительныи и оусловливались тѣми требованїями, которыя вытекали изъ собственно жизни великаго князя, ꙗкъ государя всея Руси. Вообще великокняжескїя хоромы, ꙗкъ древнѣйшїя, такъ и строенныя во время царей, сообразно назначенїю ихъ въ домашнемъ быту государя, можно разсматривати ꙗкъ три особныя отдѣленїя. Вопервыхъ, хоромы, „постельныя" собственно жилыя, или ꙗкъ называли ихъ въ XVII вѣцѣ, поковыя. Они были необширны: три, много четыре комнаты въ одной связи, служили весьма достаточнымъ помѣщенїемъ для государя; одна изъ тихъ комнатъ, обыкновенно самая дальная, служила постельною опочивальною ложницею; подлѣ нея оустроивалась крестовая или моленная; другая имѣла значенїе теперѣшнаго кабинета и называлась собственно комнатою, и наконецъ, первая по входѣ именовалась передною, но не втомъ смыслѣ, въ ꙗкомъ оупотребляется тое слово теперь: тая передная была собственно прїемною; нынѣшней же передней въ древности соотвѣтствовали сѣни, которыя въ государевыхъ хоромахъ почти всегда были теплыя. Тѣ сѣни передъ переднею назывались обыкновенно передными сѣньми. Точно такїя постельныя хоромы были на примѣръ, оу царя Їоанна Васильевича; они стояли подлѣ середней золотой палаты и заключали въ себѣ передныя сѣни, переднюю и двѣ комнаты (16). Если въ хоромахъ было болѣе комнатъ, нежели сколько мы здѣсь поименовали, то всѣ тѣ комнаты не носили нїякихъ особенныхъ названїй: ихъ просто называли: третья четвертья и т. д. или смотря по мѣстоположенїю, средняя, задняя сторона и пр. Чуланы и коморки, оустроиваемыи въ сѣняхъ или даже въ самыхъ комнатахъ, были въ мѣстѣ съ подклѣтами, на которыхъ стояли хоромы, необходимыя въ домашнемъ быту государя. Надъ хоромами тѣже свѣтлыи чердаки и теремы съ частыми окнами, съ башенками, оузорочно оукрашенныи рѣзьбою съ прорѣзными гребенами, и золочеными маковицами наверху. Сѣнники и мыльня, пренадлежавшїи также къ постельнымъ хоромамъ, соединялись съ ними сѣнями или переходами; мыльня же иногда помѣщалась въ подклѣтѣ. (П. с.)

Утро и день.

Повѣсть изъ новѣйшихъ временъ.

(продолженіе.)

По долгихъ а долгихъ оувеселенїяхъ и трудахъ привелъ онъ Анну до совершенного присутствїя духа, и сдѣлалъ своими лекарственными зелїями въ продолженїи двохъ часовъ такую измѣну въ состоянїи здоровья Анниного, что таяжъ вставши изъ ложа, мхомъ въ пещерѣ постеленного, и ободрившися достаточно,

(16) Дворцовыи Разряди Спб. 1850 Т. I. стр. 1152

до Бориса приступила не далеко ней въ задумчивости сѣдащаго, и до ногъ ему оупадши въ слѣдующихъ воскликанiяхъ болѣзнь своего прополненного сердца оулегшала: „Припадаю къ ногамъ вашимъ яко блудница, и молю васъ съ оумиленiемъ: простѣтъ ма! Ахъ! я тажко, тажко васъ опечалила; цѣлое житiе въ сокрушенiи праведномъ не возможетъ тiи грѣховныи скверни измыти, которыи я себѣ нанесла моимъ злобивымъ бѣшенствомъ. Но ахъ! я тому не есмь цѣлкомъ виновною, мене повредила лихая подружка!"

— „Ганусю! моя люба Ганусю встань! ты напружаешь по великой опасности снова твои еще слабыи силы: оуспокойся моя дочь, ты требуешь оукрѣпленiя и мира по такъ страшенномъ приключенiи-ты еще не прiйшла до себе по оглушительномъ громоударенiи!"

„Ахъ! я не встану пока не выплачу мою провину, пока не одержу отъ васъ прощенiя.".

— „Ганусю! коли тебе вижу смиренну и невинну такъ якъ въ прежней твоей юности, то исчезаетъ и наименьшая горесть изъ моего сердца. Кто бы на тя возмогъ гнѣватися!"

„Богъ и Вы должны на мя гнѣватись! О! я несчастна, що я сдѣлалавъ моемъ бѣшенствѣ! Я васъ, моего истинного добродѣя, моего единственного покровителя стыдатись дерзнула! О злобо! сватая земле покрый мой соромъ, ахъ оумру изъ стыда! Горе! горе! моей лихой подружцѣ!" воскликала въ плачѣ бѣдна Анна цѣлуючи ноги старика. . . .

— „Ганусю! встань! ктобы тебе не простилъ! О я знаю, что тебе злы люди прельстили. Ты всегда была такъ доброю, такъ невинною, что даже ангелы Божiи радовалися твоей душевной красотою!" промолвлялъ смягченный Борисъ поднимаючи изъ земли ozлобленну сироту, и цѣлуючи ею отцевскимъ лобзанiемъ въ горячее чело. — „О я тебе прощаю! изъ сердца — ты снова моя люба, сердечная дочь, мое житiе, мой вторый духъ.". . . шепталъ оурадованный Борисъ.

— „Но я думаю, что тебѣ нужно по свѣжемъ воздусѣ пройтися, ты требуешь прохлады и волнѣйшаго отдыханiя. Вотъ! якъ любо сiяетъ солнце по такъ страшенной тучѣ, котора оуже, славити Бога исчезла! Подай мнѣ твою руку!"

„Великiй Боже! что я вижу!" крикнула оустрашенна Анна, что то такого, лежащаго въ оуглу пещеры?"

— „То Костъ, сынъ дьяка; — громъ забилъ его по при тебе! Но ходи, ходи! оттуда, ту не есть мѣсто для твоего развлеченiя!"

„Такъ! мой невинный предводитель долженъ былъ житiемъ своимъ искупити, мое новое душевное житiе!" сказала съ благовѣнiемъ Анна, приклоняючи колѣна оу мертвеца, и цѣлуючи въ послѣднiй разъ любого Коста, „ты счастливъ! ты вже оу Бога, тебе завелъ ангелъ-хранитель въ край избранныхъ, но мене ведетъ неизурима болѣзнь сердца въ вѣчное покаянiе! Бывай во вѣки здоровъ мой ты сердечный Костю! О! чѣмже я тебе оплачу твоему старательному отцу. Такъ я есмь виновною твоей смерти!". . . .

— Про милость Бога! ходи оттуда Ганусю! ты печалишься суетно? пусти тiи черны гадки, и приступи къ Богу съ оумиленiемъ, а не съ отчаянiемъ; впрочемъ не ты, но Богъ судилъ надъ смертiю несчастного Коста." сказалъ Борисъ оубодряючи Ганусю. . .

Оуслухала Анна своего стрыя, и вы-

шла съ нимъ въ очаровательно красное лѣсовое оуединенїе. Крȣгомъ зеленѣлся грабовый и дȣбовый лѣсъ, оупоясавшїй маленькȣ долинȣ въ идиллической красотѣ. На рединнѣ долины возносился тысячилѣтный дȣбъ, и распростералъ свои вѣтви надъ деревяннымъ крестомъ, подъ которымъ малое сѣдалище зеленымъ дерномъ оустланное къ дȣшевномȣ раздȣмїю воззывало. О нѣсколько кроковъ дальше была пещера пȣстынника, ходящаго по преданїи съ мертвою головою, въ нейже и Борисъ отъ мѣсяца, жалȣючи сердечно измѣнȣ Анны, проживалъ. Входъ до сей пещери былъ осѣненъ акацїами, и молодыми липами, и веселый рȣчей шȣмѣлъ звонкимъ отгомономъ въ оуединенной пȣстынѣ, которȣ иногда пѣсни маленькихъ птицъ прорывали. . .

„Якже понравилась тебѣ моя оуединенная долина?" вопросилъ Борисъ Аннȣ.

— „Истинно прекрасна есть, но тȣтъ такъ таинтвенно, что только великїи грѣшники а не вы, любезный стрыю, должны тȣтъ обитати! Ахъ! дражайшїй добродѣю чемȣжъ вы оставили вашȣ выгоднȣ хатȣ и поселилися въ той пȣстынѣ? чемȣ вы такъ оужасно измѣнилисъ въ вашей внѣшности? чемȣ такъ печальна тоска не хочетъ оусȣнȣтись изъ вашего благородного лица? Вы терпѣли! . . . . и видно, что много — много вы терпѣли! Ахъ! стрыю скажите мнѣ про милость Бога причинȣ такъ разительной измѣны въ вашей жизни?"

— „Люба Ганьсю! не для оутраты земныхъ сокровищъ ведȣ я такъ строгое житїе, но для того, понежеоувѣрился былъ я, что ангелская одна дȣша изъ небесной вышины ниспȣстившись, надъ бездонною пропастїю въ смертоносной опасности скиталась, что она на вѣки сдавалась для мене оутраченною быти. Ахъ! я любилъ тȣю ангелскȣю дȣшȣ надъ мое житїе!" поговоривалъ въ чȣвствительномъ восторзѣ возмȣщенный Борисъ.

„О! тѣмъ несчастнымъ сȣществомъ была я — я! дочь смерти и рыданїя!"

— „Оувѣрившись, что моя любимица прельщенною есть такъ оужасно обманчивымъ свѣтомъ, заплакалъ я внȣтрь дȣши сердцекрȣшительнымъ жалемъ, — отстȣпилъ свою хатȣ дякȣ сельскомȣ, а самъ возжелалъ по примѣрȣ святого Онȣфрїя въ дикой пȣстинѣ оуединенное житїе вести, и тамже дȣшевнȣ погибель моей дочери до моей смерти восплакивати! . .

„Боже! Боже! что я сдѣлала! крикнȣла въ болѣзны сердца бѣдна Анна, и оупала при ономъ древяннномъ крестѣ на колѣна, обмываючи свое лице въ горькихъ слезахъ. . . .

— „И сȣть-ли прелестныи сластолюбїя сего мїра свѣтного достойными, чтобы благородный нравами человѣкъ ними дался прельстити?" промолвилъ старый Борисъ, а лице его возсїяло при златозарныхъ лȣчахъ заходящаго солнца святымъ движенїемъ. . . Сȣть-ли достойнными сїи бѣсовскїи оувеселїя, чтобы человѣкъ образъ и подобїе божества, наслѣдникъ вѣчного блаженства, чтобы тотъ богообразный человѣкъ въ похотахъ тѣлесныхъ занȣрившися, въ тѣхже образомъ звѣрей безȣмныхъ ползалъ, и въ собственныхъ страстяхъ мȣчился?! . Глянь ино моя дочь на пȣстыхъ обожателей сего мїра? Наситятся-ли они когда-то своими сладостными свѣтными оувеселенїями? О нѣтъ! никогда! и еще на ложѣ ихъ смертномъ оулетаютъ тїи льстивыи образцы, а съ ними омерзѣнїе собственного житїя, без-

полезный жаль, оукоризна совѣсти, и отчаянная смерть, зачѣмъ лихїи мары дикїи смѣхъ надъ своею жертвою издаютъ!" —

„Такъ! такъ! и надъ мною носятся смертный мары!"

— „И ктожъ восхочетъ невинность совѣсти съ бурливымъ волненїемъ тойжевъ замѣну взяти? Воистинну только неистовый и шалѣющїй жертвуетъ свою непорочну нравственность чертовымъ навѣтамъ! И кто ктожъ возможетъ блаженное состоянїе добродѣтельного человѣка запретити. Въ туземной жизни жїетъ онъ въ дружествѣ съ ангелами-духами, а хранитель небесный ведетъ его по терновой дорозѣ къ надземной тишинѣ!" продолжалъ оучтивый Борисъ природнымъ любомудрїемъ.

„Отче! добродѣю! покровителю мой, простите мя, простите несчастну, ибо ею Богъ оуже довольно наказалъ, по многихъ горестяхъ оутратила я нужденна моего мужа, подружекъ всѣхъ знаемыхъ, и прихожу къ Вамъ мовь послѣдня оубога, чтобъ оу ногъ Вашихъ прошенїя молити, и никогда отъ васъ не оудалитись, никогда..... до смерти!". .

— „Прощаю, прощаю! цѣлымъ сердцемъ твои невольныи прогрѣшенїя, а твои печали и претерпѣвшїи горести вознагородитъ Богъ тебѣ изобильнымъ благословїемъ! Ты оуже никогда не отступишь отъ мене? — Иль такъ моя Ганусю?" вопросилъ смягченный Борисъ.

„Я съ Вами до смерти!" воскликнула сирота, и въ той пустынѣ окончу съ Вами мою жизнь!"

— „О нѣтъ! я возвращуся оуже теперь въ собственну хату, ибо нашелъ я оутраченное сокровище, а ты пойдешь конечно также со мною. А Богъ изведшїй тя съ надъ пропасти губительной, оукажетъ тебѣ своимъ хотѣнїемъ, что далѣе имѣешь дѣлати, дабы его благодать снова прїобрѣсти! И такъ оуже попращаю моего друга-пустынника, который всегда съ мертвою головою ходитъ, и смерть своей прекрасной супруги яко и свои грѣхи оплакиваетъ, которы то грѣхи онъ прежде въ своемъ сладостномъ житїи неразсудно сдѣлалъ; но счастливо опамятался, и ходитъ съ костетрупомъ своей жены въ тѣхъ лѣсахъ, искаючи душевного мира и покаянїя!". .

„Да будетъ воля Божїя! Точное исполненїе Божїей и вашей воли будетъ точнѣйшею задачею въ цѣлой моей жизни!" сказала благоговѣйно сокрушенна Анна.

— „Встань люба дочь! довольно твоего сокрушенїя! Богъ не прогнѣвается на вѣки! ходи со мною, дѣлай, въ дальшей жизни овощи добродѣтели, а мирная совѣсть будетъ слѣдствїемъ твоихъ благородныхъ нравственныхъ стремленїй! И чтожъ есть тая суетна житейская въ сравненїи съ блаженною вѣчностїю, ейже концемъ есть милостивый и все святый Богъ?!". .

И якїйсь таинственный отгомонъ раздался по цѣлой окрестности, а отъ сосѣдныхъ скалъ отзывалось прочїе ехо труднымъ отгомономъ по борисовыхъ восклицанїяхъ: „суета житейская;". . . . „вѣчность!". . . „Богъ!". . . И якаясь надземная красота преодѣла чудесно лѣсовое оуединенїе, ароматное благоуханїе исполнило идиллическу картину, якїй то легкїй шумъ дался слышати въ воздусѣ мовь то движенїе крылъ хранителя—ангела прилетающаго до своей давной любимицы а въ тайныхъ мелодїяхъ ефирныхъ колненїй сдавалися благїи духи при звукѣ не-

бесныхъ стрꙋнъ надъ мирною долиною оу-носитиса! . . . . Была то свѧтаѧ пора! Подъ дꙋбомъ лежала еще на колѣнахъ возмꙋщеннаѧ Анна съ лицемъ воздвиженнымъ къ надземной отчинѣ, — надъ нею стоѧлъ оучтивый Борисъ со сложенными на грꙋдѧхъ рꙋками, и возмнилсѧ быти бꙋдьто ꙗкимъ старозаконнымъ свѧщенникомъ изъ чина Леви, возсылаючїй вмѣстѣ съ оскорбленною вдовицею моленїѧ оумилостивительныѧ къ Богꙋ, зачѣмъ вѣковый дꙋбъ съ своими огромными вѣтвами въ видѣ готического храма надъ тѣми лицами воздвигалсѧ....

. . . . . И оутихло цѣлое таинственное движенїе въ воздꙋшной высотѣ . . . . а съ объѧтїй лѣсовыхъ вышелъ на отвертое мѣсто, въ немже таѧ сцена отправлѧлась, пꙋстынникъ съ костетрꙋпомъ въ рꙋкахъ, и прилꙋчилсѧ нечаѧнно къ оупомѧнꙋтой парѣ. . . . . (П. с.)

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ Перемышлѣ въ печатнѣ русского Крылоса вышелъ „Молитвенникъ для Юношества" накладомъ М. Диковского. Тотъ молитвенникъ напечатанный въ шестнадцатцѣ на десять лучкахъ бумаги, и къ употребленію особенно сельского юношества соотвѣтно составленный. Излишнымъ кажется препоручати тую книжечку П. П. отцамъ, дабы по мѣрѣ печаливости своей снабдѣли нею дѣточки свои къ боговѣйному воздвиженію юного ихъ сердца, присутствуя торжеству Богослуженія. Должно примѣтити тутъ, что лишь чтеніе русскихъ, въ духу обряда нашего составленныхъ молитвенниковъ стается благополезнымъ русскому юношѣ, покрѣпляя сердце силою вѣры и ополчивая духа твердостью въ достойной , благородной непорочности. До недавныхъ поръ не много видалъ кто, дабы по церквамъ русскимъ многонадеждное юношество, наше держа въ ручкахъ молитвословецъ, изливало смиренныя и уповающія свои прошенія и благодаренія у престола Всевышняго. Днесь славити Бога съ каждымъ истекающимъ годомъ становится лучше по областямъ ожизненной отечественной земли нашей, а свѣтло благотворительного обученія озаряетъ намъ путь къ будущему благоденствію.

Молитвенникъ для юношества продается по всѣмъ книгарнямъ въ цѣнѣ 14 кр. ср. въ самомъ же Перемышлѣ стоитъ за 12 кр. ср. Купующіи большее количество екземпляровъ получатъ двадцатый процентъ. —

ПРИГЛАШЕНЇЕ КЪ ПРЕДПЛАТѢ.

Нꙋ славити Бога, третїй кварталъ оуже окончилсѧ! Зорѧ Галицка, выдержавъ счастливо прошлогодовꙋю кризисъ свою, ласкаетъ себе теперь надеждою, что потерѧнное довѣрїе, тотъ главнѣйшїй союзъ всѧкихъ предпринѧтїй, — оу своихъ почтенныхъ читателей снова прїобрѣла. На основанїи того то довѣрїѧ оумолѧемъ всѣхъ нашихъ почт. читателей, чтобъ излишнїи долги за вторый и третїй кварталъ, — когда Богъ обильно жатвою нашъ край поблагословилъ, скоропостижно заспокоили, и также на послѣднїй кварталъ благосклонно подписались. —

От Редакцїи.

Тупомъ Института Ставропигіянского. Редакторъ Николай Савчинскій.